
МУРЗИЛКА
№ 3
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ
МАРТ
1948

С. КОСОВ

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

Первые жнецы

Фека играла с подружками в камешки-подкидышки: выше головы камешки взлётывали. На улице тихо. Все на колхозном дворе, к жнитву готовятся. Одни старики да старухи на огородах между гряд с вёдрами ходят.

На завалинке, в тени, сидел Фекин дед, слепой, с большой красной лысиной. Он крутил головою, поворачивался то в одну, то в другую сторону, задирал бороду кверху. Не сиделось ему что-то на месте, и он часто окликивал Феку:

— Фека, принеси мне попить! Фека, подай клюку!

Фека поднималась с земли и кричала:

— Иду-у, дедика!

Она неохотно расставалась с игрой, но подавала деду и клюку и ковшик.

С поля подул жаркий ветер. Дед радостно поднял голову, потянул воздух и пригладил над ушами седые волосы.

— Спелой рожью пахнуло... с поля... оттуда... — забормотал он. — Фека, принеси-ка с погребицы серп, сведи меня в поле!

Фека бросила камешки, сбегала за серпом, взяла деда за руку и повела.

Дед торопится, дорогу всё время клюкой ощупывает. Фека ему помогает:

— Вот тут, дедика, ручеёк — перешагни, вот тут камушек — не запнись.

Так добрались они до поля. Дед послушал, как шумит на ветру рожь.

— Сухо шумит: звенит, — проговорил он.

Сорвал несколько колосков, размял их и положил зёрна в рот, хотя зубов у него не было.

— И зерно твёрдое. Жать пора.

Снял он с плеча серп, нагнулся и, нащупав солому, принялся жать. Слепой, а ловкий он был жнец! Подденет серпом рожь, подхватит её левой рукой, перегнёт маленько и... ширк, ширк... Серп так и сверкает у него в руке. Валится рожь. Наберёт дед большую горсть колосьев и в сторону откладывает.

Потом он сделал свясло, положил его на землю и велел Феке сносить на свясло сжатую рожь. Набрала её Фека целую кучу, расправила пряди, уровняла колосья, а дед туго стянул концы свясла, и получился у них сноп. Приподнял его дед и выпустил из рук; сноп шлёпнулся оземь и остался стоять колосьями вверх.

Так дед нажал пять снопов. Вспотел он, утомился, стал рукавом пот с лица вытирать.

Фека попросила:

— Дедика, дай я пожну!

Дед передал Феке серп. Стала Фека жать. Не столько жнёт, сколько из земли рожь с корнем выдирает. Но худо ли, хорошо ли, а нажала и она сноп. Связала его. Вышел он кудлатый, головастенький. Хотел его дед кверху колосьями поставить,— нет, не стоит, на бок валится.

Дед и Фека составили снопы в одну кучу.

— Ну, пойдём, Фека! Пусть теперь другие жнут, — сказал дед.

Нажали они ещё маленький снопик, чтобы на селе показать, взяла его Фека в охапку, и пошли домой.

На улице окружил их народ. Нюхали, щупали грузный колос, растирали в ладонях и на зуб пробовали.

— Хороша рожь, наливная!

А дед повёртывался в толпе, как молодой, и всем рассказывал:

— Чую давеча — пахнет рожью. Сильно пахнет, словно вокруг меня зерно насыпано. А как дунуло с поля — будто из закромов понесло. Вот ходили с внучкой, шесть снопов нажали.

Наутро разбудил Феку шум на селе. От дворов шли люди с весёлым говором, смехом, в цветных платках, рубахах. Бригадиры вели свои бригады в поле.

Дед стоял у двора босой, без пояса. Повернулся туда, куда уходили люди. В поле загомонили голоса, загремели машины.

— А всё-таки, Фека, мы первые жнитво начали, — сказал дед, усаживаясь на завалинку.

И Фека была рада, что её сноп — хоть и кудлатый — будет в общей скирде лежать.

С. КОСОВ

Рис. Г. ВЕРЕЙСКОГО

ПОМОЩНИЦА

Пришла бабушка с колхозного огорода, поставила подожок в угол и еле добралась до лавки.

— Ой, как я устала!

Села, сгорбилась. Руки далеко от себя отставила — оперлась ими о лавку.

Внучка её Фека в куклы играла. Есть у Феки беспокойный ребёнок — резиновая кукла Катька. Пожмёт у неё Фека брюшко — пищит. В тряпочки начнёт завёртывать — опять пищит.

Села Фека рядом с бабушкой. Так же отставила руки, оперлась ими о лавку.

— Ах, и я устала!

Посмотрела, как у бабушки голова поникла от усталости, и сама опустила.

— Катька у меня пищит и пищит. Замучилась я с ней.

Бабушка покачала головой.

— С детьми, внученька, всегда так. С ними хлебнёшь горя.

— Бабу́ся, я тоже пищала, когда маленькая была?

— Пищала! Хуже, чем твоя Катька! Маленькие все пищат.

Посмотрела Фека на свои ноги, — они высоко болтались над полом.

Передвинулась она на самый краешек лавки, протянула ноги вниз, кончиками пальцев до пола достала.

— Теперь я не пищу. Я большая.

— Большая, совсем большая! — согласилась бабушка. — Седьмой год доходит. Теперь у тебя у самой беспокойный ребёнок.

Подняла бабушка голову, заулыбалась. Захотелось и ей своей радостью поделиться:

— А меня сегодня бригадир похвалил. Грядки я все выполола, капусту полила. Бригадир и говорит мне: «Хорошо у тебя, Аграфена Матвеевна, капуста растёт». Так-то. Надо бы ещё между гряд бурьянок выполоть, да некогда, — дома дела.

Встала она с лавки и засуетилась:

— Надо кашу варить, ужин готовить.

Только у неё дрова в печке разгорелись, подступили под окно цыплята—целая орава. Узнали, что бабушка домой вернулась. Зачирикали, запищали... А один желтопёрый, смелый — должно, петухом будет — прямо в избу направился. Идёт по полу важный, пищит во всю мочь, бабушку разыскивает.

Бабушка руками всплеснула:

— Батюшки, цыплята не кормлены! А от печки отойти нельзя — молоко убежит.

Фека отложила куклу в сторону, слезла с лавки.

— Бабуся, я пойду покормлю цыплят. Маленькие они, пищат очень.

— Пойди, внученька, пойди! Ты цыплят корми, а я за твоей Катькой послежу.

Только Фека накормила цыплят, в избу вошла, — заблеял козлёнок. Встал на задние ножки, передними о наличник опёрся, в окно заглядывает. Блеет, мотает рожками — бабушку зовёт.

— Ой, козлёнок не напоен! А отойти нельзя — каша пригорит.

— Бабуся, я напою козлёнка! Он тоже маленький.

— Пойди, моя умница, пойди! Слышь, вякает. Сама знаешь, какие они, — маленькие-то!

Так Фека с бабушкой все дела справили: и цыплят накормили, и козлёнка напоили, и ужин сготовили.

На другой день бабушка опять пришла усталая, опять принялась ужин готовить. Хотела она цыплят кормить, а они уже сыты, под крыльями у клушки сидят — спать собрались. Козлёнок на бабку и не глядит, с Фекой заигрывает. Осталось бабушке с Фекой только кашу есть.

— Опять меня бригадир хвалил, — сказала бабушка. — Очень хороша у меня на колхозном огороде капуста растёт. Надо бы тлю с кочанов обобрать, да времени нет.

— А ты, бабуся, с огорода завтра не торопись, по дому я всё сделаю, — сказала Фека.

Так и пошло. Вернётся бабушка домой, знает только одно — ужин готовить. В избе чисто, всё прибрано; на дворе все сыты, спокойны.

— Ай, умница! Ай, помощница! — скажет бабушка и по головке Феку погладит.— Станут меня на колхозном собрании хвалить, а я скажу: «Не одну меня хвалите, похвалите и мою внучку, Феоктистушку!»

М. ПОЖАРОВА

ЗАГАДКИ

КТО ТАКОЙ?

Я работаю в артели
У корней лохматой ели.
По буграм тащу бревно —
Больше плотника оно.
Не найдёшь у нас пилы,
Не рубили мы стволы,
Не стучали топором,
А под елью вырос дом.

ЕРОША-ПЛЯСУН

Стоит Ероша, —
Лохмат и взъерошен!
По избе запляшет —
Прутиками машет.
Для лихого пляса
Лыком подпоясан.

БЕЗ ЧЕГО НЕ ИСПЕЧЬ ХЛЕБА?

Спросили у Глеба:
— Без чего не испечь хлеба?

КАКОЙ МОСТ БЕЗ ЛЮДЕЙ СТРОИТСЯ?

Без досок, без топоров
Через речку мост готов.
Мост — как синее стекло:
Скользко, весело, светло!

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег, тебя лопатами
Нам дворники бросают с крыш,
И ты ненужными заплатами
На каменном дворе лежишь.

И малыши тебя не трогают —
Уж больно скучен ты на вид.
Всё громче дворничиха строгая
Скребком на улице гремит.

Мы зиму выгоним упрямую!..
Пригреет солнце — и конец,
И рухнет весело за рамою
Холодный хрупкий леденец.

Бегут из школы первоклассники,
Пускают в луже у ворот
Такой нарядный, как на празднике,
Бумажный белый пароход.

З. Александрова

МАРТ

Ещё мороз гуляет на просторе,
Ещё не распростились мы с зимой,
А вдалеке над Средиземным морем
Грачи летят из Африки домой.

Пустуют гнёзда на ветвистых ивах,
И в самых дальних уголках страны
Ждут с нетерпеньем чёрных и крикливых
Неугомонных спутников весны.

Юрий Яковлев

Я. ТАЙЦ

„МОЛОКО"

Когда я был маленький, букваря у меня не было. Дедушка один раз нарисовал все буквы и сказал, как они выговариваются. А в другой раз сказал, что когда читаешь, не надо каждую буковку отдельно выговаривать, а надо вместе с соседней. Но у меня не получалось вместе. Они ведь отдельно стоят, каждая буква, и я выговаривал их тоже отдельно. Вот так: М. А. М. А.

И вот один раз дедушка послал меня за молоком. Подошёл я к молочной, а магазин ещё был закрыт. Стою, смотрю от нечего делать на дверь, жду... И вдруг слышу, кто-то шепчет:

— Молоко.

Я оглянулся: рядом никого нет.

Я опять стал смотреть на дверь. И опять кто-то мне тихо сказал:

— Молоко.

И не сразу я догадался, что это дверь мне сказала. На ней была вывеска, и я незаметно для самого себя прочитал её.

Ох, я обрадовался! Я побежал к дедушке, закричал:

— Дедушка, мне дверь сказала: «Молоко»!

И вдруг бутылка — бац из моих рук, разбилась.

Я заплакал, а дедушка вдруг поцеловал меня и сказал:

— Я тебя, конечно, не за то целую, что ты бутылку разбил, а за то, что ты читать научился!..

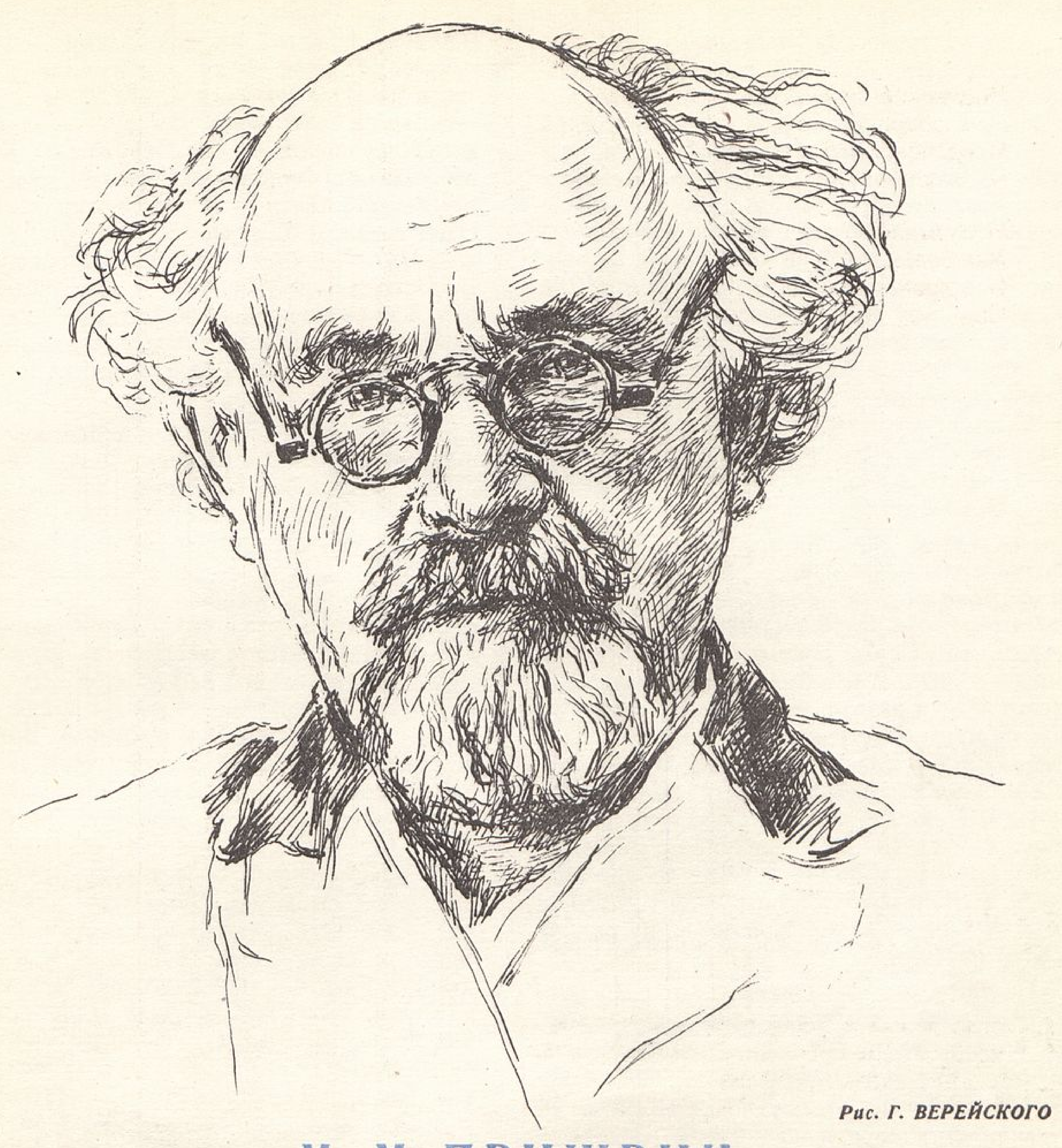

Рис. Г. ВЕРЕЙСКОГО

М. М. ПРИШВИН

5 февраля 1948 года исполнилось 75 лет отроду и 50 лет литературной деятельности одного из старейших и известнейших наших писателей — Михаила Михайловича Пришвина.

Все вы, ребята, годитесь ему во внуки, но он и вправду считает своими внуками всех, кто со вниманием и любовью читает его рассказы. Михаил Михайлович не только детский писатель, — книги свои он пишет для всех, но с одинаковым интересом читают их и дети. Пишет он не только о людях, но обо всей природе: и о зверях, и о птицах, о цветах и букашках, реках и лесах, но не так, чтобы, сидя в комнате, выдумывать про них, а только то, что он сам видел и сам перечувствовал в природе.

Так, например, чтобы описать, как переживает всё живое весенний разлив рек, Михаил Михайлович строит себе из обык-

новенного грузовика фанерный домик на колёсах, берёт с собой резиновую складную лодочку, ружьё и всё, что нужно для одинокой жизни в лесу, и отправляется на места разлива самой большой реки нашей — Волги, и там на берегу живёт и встречает весну, и наблюдает, как спасаются от заливающей сушу воды самые крупные звери — лоси — и самые маленькие — водяные крысы и землеройки. Так проходят дни: за костром, охотой, с удочкой, фотоаппаратом. Весна движется, земля начинает обсыхать, показывается трава, деревья зеленеют, а Михаил Михайлович всё записывает и, так потрудившись, иногда помучившись в разных путевых приключениях, наконец возвращается к нам с новыми рассказами.

Писателем Пришвин сделался так. В молодые годы он обошёл пешком весь Север с охотничьим ружьём за плечами и написал об этом своём путешествии книжку. Был тогда наш Север диким, людей было там мало, птицы и звери жили не пуганные человеком. Так и назвал он свою первую книжку «В краю непуганых птиц». На северных озёрах тогда плавали на полной свободе стаи диких лебедей. А когда, много лет спустя, Пришвин снова приехал на Север, знакомые озёра были соединены Беломорским каналом, и по ним уже не лебеди плавали, а наши советские пароходы; много за долгую жизнь видел Пришвин на родине своей перемен.

Помните, как начинается старинная русская сказка: «Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни две и сделала весёлый колобок. Он полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца во двор, да за ворота — дальше, дальше...»

Михаил Михайлович к этой сказке приделал свой рассказ так, будто за этим колобком сам он, Пришвин, пошёл по белу свету куда-то на Север, и так он описал весь Северный край, будто он всюду там по лесным тропам и берегам рек, и моря, и океана всё шёл и шёл за колобком. Так и новую книжку свою он назвал—«Колобок». Впоследствии тот же волшебный колобок привёл писателя на юг, и в азиатские степи, и на Дальний Восток. Из края в край обежал он всю нашу богатую родину и, когда всё осмотрел, стал кружиться возле Москвы, по берегам маленьких речек — тут была и какая-то речка Вертушинка, и Невестинка, и Сестра, и какие-то безымянные озерки, названные Пришвиным «глазами земли». Тут-то, в этих близких нам всем местах, колобок открыл своему другу, пожалуй, ещё больше чудес, чем в тех заморских краях, где он бывал в ранней юности.

Все мы знаем и любим и деревья в наших лесах, и цветы на лугах, и птиц, и зверушек разных. Но Пришвин поглядел на всё это своим, каким-то особым зорким глазом и увидал многое такое, что нам и невдомёк. «Оттого лес называется тёмным, — пишет Пришвин, — что солнце смотрит в него, как сквозь узкое оконце, и не всё видит, что совершается в лесу». Даже солнце не всё замечает, а пытливый человек — художник — узнаёт тайны природы и радуется, их открывая. Вот он встречает в глубокой лесной тени старый пень, окружённый молодой порослью, и узнаёт в нём старого дедушку, которого внуки окружают покоем. Вот он нашёл в лесу удивительную берестяную трубочку, в которой оказалась кладовая какого-то трудолюбивого зверька или птички. Вот он побывал на именинах осинки, — и мы подышали вместе с ним радостью весеннего расцвета. Вот он подслушал шелест осенних листиков — и мы узнали, что они шепчутся вовсе не о своей скорой гибели, а о том, что придёт непременно новая весна. Вот он подслушал песенку совсем незаметной маленькой птички на самом верхнем пальчике ёлки, — теперь он знает, о чём они все свистят, шепчутся, шелестят и поют!

Так катится и катится колобок по родной земле, сказочник идёт за своим колобком, и мы идём вместе с ним и узнаём бесчисленных маленьких родственников в нашем общем большом Доме природы, научаемся любить свою родную землю и понимать её красоту.

Пожелаем ему счастливого пути!

ЖУРКА

М. ПРИШВИН
Рис. Е. РАЧЁВА

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую—проглотил. Третью, четвёртую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!», и он к ней бежит. Такой умница! Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

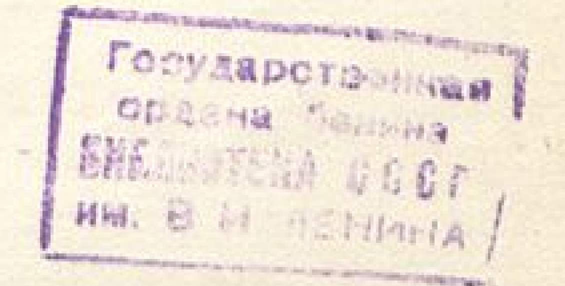
Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

— Фру-фру!

И такой умница! Как только услыхал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать; да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро, на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотном лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру. В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Вот погодите, дождётесь экзамена в вуз. Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

ВЫСКОЧКА

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем. Уйдёшь на охоту и будь уверен: Вьюшка не пустит врага.

Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки, как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок.

Достались ей от обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты,— известно, что в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда, откуда ни возьмись, сороки: скок, скок! — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной — хвать! другая сорока с другой стороны хвать! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и, не долго думая, собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода, то же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове. Вот сейчас то же было. Все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Выскочка поскакала ду ро м.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

— Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо!

— Тра-ля-ля-ля-ля! -- ответила Выскочка.

Это у неё значило:

— Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется.

Так за свой страх и риск Выскочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок! и подумают — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы.

И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только, только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила за хвост, и кость выпала...

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая, пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Бывает, деревенские озорные мальчишки поймают слепня, воткнут ему в зад длинную соломинку и пустят эту крупную, сильную муху лететь с таким длинным хвостом, — гадость ужасная! Ну, так вот, это муха с хвостом, а тут — сорока без хвоста; кто удивился мухе с хвостом, ещё больше удивится сороке без хвоста. Ничего сорочьего не остаётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанию, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

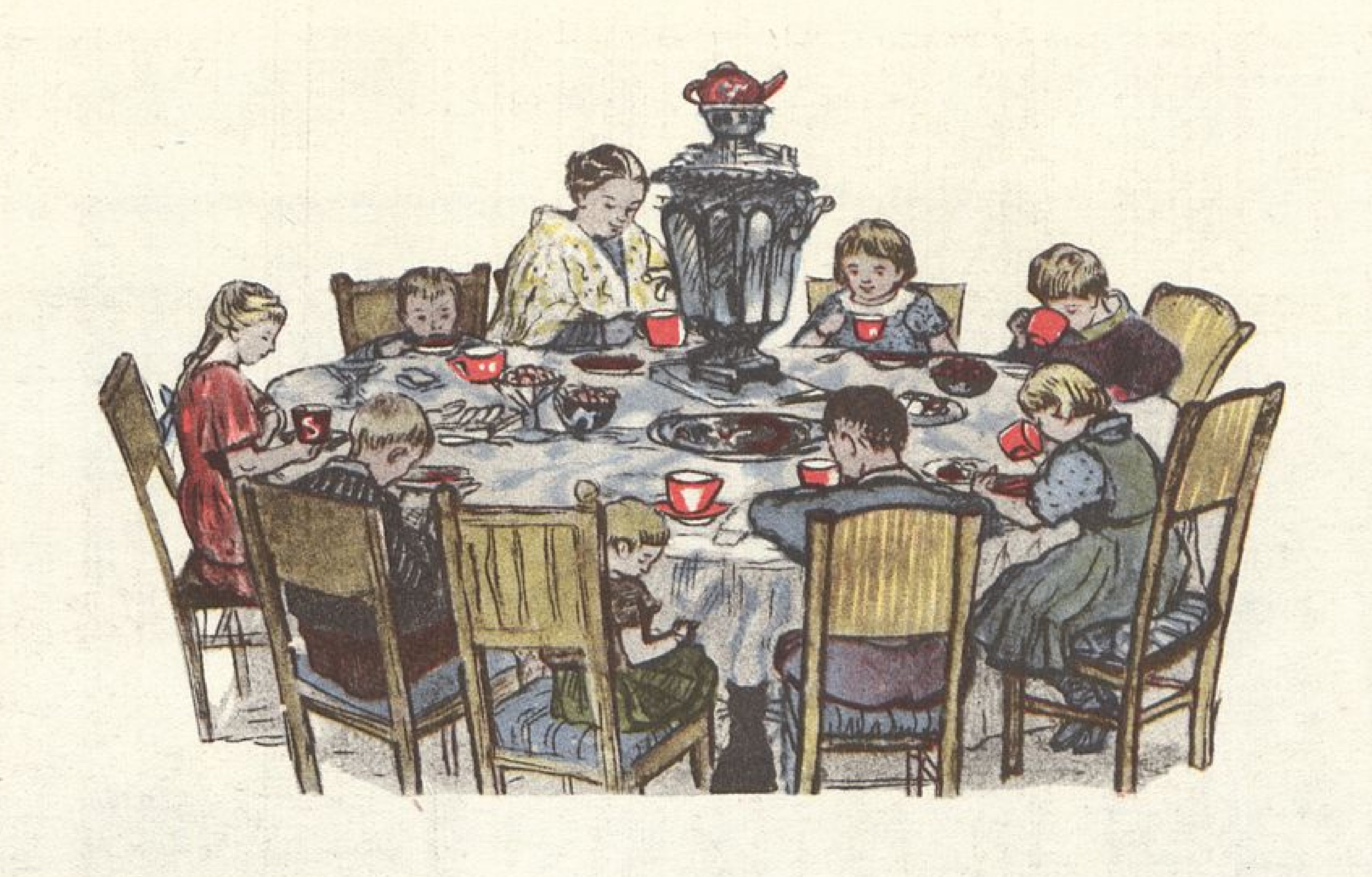

Рис. А. АЛЕЙНИКОВА

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Ходит солнышко с утра
Возле нашего двора,
Смотрит в каждое окно, —
Целый день у нас оно!

Мы — большущая семья.
Самый младший — это я!
Сразу нас не перечесть:
Маня есть и Ваня есть,

Юра, Шура, Клаша, Даша,
И Наташа тоже наша.
Мы по улице идём, —
Говорят, что детский дом.

Мы за чаем не скучаем,
По две чашки получаем.
Восемь чашек — восемь пар, —
Выпиваем самовар!

Мы садимся за обед —
Надо восемь пар котлет.
Всем по кружке молока —
Это целая река!

Если столько бойких рук
Огурцы посадят вдруг,
Да морковку, да картошку,
Да редиски понемножку,
Собирать придёт пора —
Выйдет целая гора.

По грибу найдём в лесу, —
Полный кузов я несу!
Мы — большущая семья.
Самый младший — это я!

Е. Трутнева

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Наша-то хозяюшка
Сметлива была,
Всем в избе работушку
К празднику дала:
Чашечку собачка
Моет языком,
Мышка собирает
Крошки под окном,
По столу котище
Лапою скребёт,
Половичку курочка
Веничком метёт.

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Как проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

Из записей О. И. Капицы, Виноградовой и А. Е. Кудряшовой.

„НЕУМЕКА"

С. БОГУСЛАВСКАЯ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Саша очень любил рисовать. В прошлом году, когда он был ещё маленький и ходил в детский сад, он умел рисовать только дом и корову. Он тогда очень гордился тем, что может любой дом переделать в корову: стоит только пририсовать внизу четыре ноги, а к трубе голову. Труба тогда станет похожа, как две капли воды, на коровью шею.

А теперь Саша уже большой. Он учится в первом классе и умеет рисовать всё, что угодно. Мама говорит, что он рисовал бы совсем хорошо, если б не так торопился. У него и по письму тройка потому, что он пропускает буквы, а то и целые слова. Иногда он так спешит, что у некоторых букв не дописывает хвостики, и тогда вместо буквы «*т*» получается «*п*».

Не закончив одно дело, он начинает другое, и всё у него выходит плохо.

Вот и теперь: не успел он до конца нарисовать дом с зелёной крышей, как ему захотелось поскорее поставить у дома красивую садовую скамейку. Скамейка получилась на трёх ножках. Четвёртую он решил приделать после того, как нарисует петуха. Когда же петух был готов, он совсем позабыл про скамейку. Так и осталась она без четвёртой ножки.

Потом он нарисовал девочку и набрал уже кисточкой синюю краску, чтобы раскрасить ей платье, как передумал и стал рисовать мальчика, который повис в воздухе, так как на земле не нашлось уже больше свободного места.

Чтобы покончить с рисунком, он подписал под мальчиком «*тетя*» — он хотел написать «*Петя*» — и понёс его маме.

Мама рассмотрела рисунок и сказала, что он никуда не годится. Крыша дома выкрашена только наполовину, она быстро заржавеет от дождей, продырявится и будет протекать. У девочки нет шеи, а у мальчика нет рук. Петух же без гребня, и он похож скорее на курицу, чем на петуха. И ещё сказала мама, что она никогда не

слышала, чтобы мальчика звали «тётей» и что это очень плохо, что Саша ничего не умеет делать как следует.

— Значит, я «неумека», — сказал Саша и засмеялся. Ему очень понравилось это новое слово.

— Да, неумека, — ответила мама, — и радоваться тут совершенно нечему.

Саша подумал, что, может быть, тут действительно нечему радоваться, и перестал смеяться.

Он лёг в постель, потому что уже было время спать, а рисунок положил на стул перед кроватью. Пока мама не потушила свет, он рассматривал его, и рисунок ему нравился всё меньше и меньше...

Саша совсем было заснул, ему даже показалось, что свет уже не горит, как вдруг он услышал нежный, но довольно сердитый голосок:

— Подвиньтесь, пожалуйста, вы почти сели мне на голову! Как это невежливо с вашей стороны...

Саша посмотрел на рисунок и увидел, что девочка без шеи собирается плакать.

— Я не могу подвинуться, — сказал мальчик на рисунке. — Я повис в воздухе и держусь только потому, что опираюсь на вашу голову. Посмотрите вверх, и вы легко убедитесь в этом.

— Вы нарочно злите меня, — ответила девочка. — Вы отлично знаете, что я не могу посмотреть вверх, так как у меня нет шеи. И я не понимаю, зачем вам висеть в воздухе, когда вы можете спрыгнуть, хотя бы на скамейку!

— Чтобы спрыгнуть, — сказал мальчик, — мне нужно оттолкнуться. Но беда в том, что у меня нет рук.

— Тогда падайте! — сказала девочка.

Мальчик на это ничего не ответил.

— Ах, — сказала девочка, — вы боитесь ушибиться!.. Но знайте, что настоящий мужчина никогда не отступает перед опасностью... Впрочем, что можно ожидать от мальчика, которого зовут тётей.

Петя не выдержал. Он оттолкнулся ногами и со всего размаха упал на скамейку. Но так как скамейка была на трёх ножках, то он вместе со скамейкой свалился на землю и при этом едва не задавил петуха без гребня, который был неподалеку. Хотя петух успел во-время взлететь, он всё-таки закричал, что ему отдавили лапу и что нигде нет спасенья от этих несносных людей, даже если они нарисованные!..

После этих слов он заголосил изо всех сил: «Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!..» — вероятно, потому, что ему уже нечего было больше сказать.

При падении Петя сильно ушибся, но не заплакал и не пожаловался, хотя не мог даже потереть ушибленное место: ведь у него не было рук!

Да, он действительно был настоящим мужчиной.

Когда девочка без шеи увидела, что Петя упал и ушибся, она заплакала от жалости к Пете и бросилась его поднимать.

— Я удивляюсь вам, — сказала она сквозь слёзы садовой скамейке: — вы созданы для того, чтобы на вас можно было садиться, но вы падаете от первого прикосновения. Как это бессовестно с вашей стороны!

Хотя садовая скамейка была выкрашена в зелёную краску, она сильно покраснела.

— Виновата ли я, — тихо сказала она, — что у меня нехватает четвёртой ноги?

— Подумаешь, — вмешался петух без гребня, — у неё нехватает четвёртой ноги! У меня вообще только две ноги, одну из которых сейчас отдавили, и то я не жалуюсь!

Садовая скамейка страшно обиделась на эти слова.

— Замолчите вы, жалкая курица, которая притворяется петухом! — закричала она громко. — Разве я не слышала, какой вы сейчас подняли шум из-за пустяков!.. А я так обижена — и молчу, — обратилась она к мальчику и девочке. — Если бы вы знали, как стыдно быть бесполезной вещью, которую никто не уважает... Ах, быть о трёх ногах только потому, что тебя рисовал неумека, — как это тяжко! — и скамейка горько вздохнула.

— А без шеи, вы думаете, быть приятно? — грустно сказала девочка.

— По вине неумеки я остался без рук, — вздохнул мальчик.

Петух без гребня уже несколько раз пытался перебить их, но теперь он закричал во всё горло:

— Послушайте, вы, кажется, назвали меня жалкой курицей, которая притво-

ряется петухом? Что вы хотели сказать этим? Вы ответите мне? Ку-ка-реку!!!

Садовая скамейка тоже закричала что-то в ответ, девочка без шеи стала громко жаловаться, что с такой плоской головой, как у неё, страшно трудно переносить петушиные крики, а мальчик успокаивал всех и, потому кричал громче всех.

Саша зажмурил глаза и заткнул уши. Он знал, что во всём этом виноват только он...

...Когда он посмотрел на рисунок, было уже утро, и девочка, мальчик, петух и садовая скамейка находились в таком положении, как он оставил их перед сном.

Саша, не одеваясь, бросился за карандашом, чтобы немедленно исправить рисунок.

Но в это время вошла мама и сказала, чтобы он сейчас же одевался, так как уже время завтракать и итти в школу.

Саша быстро оделся, умылся и сел к столу, а рисунок и карандаш положил перед собой, чтобы можно было кое-что исправить, когда мама отвернётся.

Мама поставила перед Сашей тарелку с холодной кашей и сказала, что чаю сегодня не будет, так как сломалась электрическая плитка. Мама очень редко сердилась, но сейчас она была очень сердита, потому что эту плитку она только вчера взяла из починки.

— Есть пословица, что «дело мастера боится», — сказала мама, — а эти мастера, видно, боятся дела, потому что ничего не умеют как следует сделать.

Саша хотел было сказать, что он ни за что не будет есть холодную кашу, но когда услышал про мастеров, которые ничего не умеют как следует сделать, он замолчал.

Он быстро стал есть невкусную кашу, а левой рукой старался нащупать в кармане пятнадцать копеек: он любил ездить в школу на трамвае, хотя до школы была только одна остановка. А рисунок он решил взять с собой и исправить его в перемену.

Он уже несколько раз посмотрел на

большие стенные часы, но до начала уроков всё ещё оставался целый час. Тогда Саша заметил, что маятник не качается и что часы стоят.

— Мама, — сказал он тревожно, — часы не ходят! Они, наверно, сломались.

— Не может быть, — сказала мама, — часы же совершенно новые!

А Саша подумал, что, может быть, их делал неумека, и тогда нет ничего удивительного в том, что они так быстро испортились...

Пока мама возилась с часами, Саша подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Мимо их окон проходила трамвайная линия, но сейчас нигде не было видно вагонов и не слышно трамвайного шума.

Тогда он подумал, что, наверное, все трамваи сломались, так же как часы и электрическая плитка. Видно, и здесь не обошлось без неумеки.

Саше стало досадно, что ему не придётся прокатиться на трамвае и что мама сегодня опоздает на работу, если пойдёт пешком. И ещё много людей опоздает.

— Часы не испортились, — сказала мама. — Я просто забыла их завести.

И действительно, часы снова громко затикали, и маятник закачался направо и налево.

А за окном вдруг пронзительно зазвенел трамвай, — вероятно, это была какая-то минутная задержка.

Трамваи снова бежали один за другим как ни в чём не бывало, а Саша засмеялся от радости и подумал: «Как хорошо, что неумек не так-то уж много!..»

— Мама, — сказал он, — когда я вырасту совсем большой, я стану мастером по плиткам. И я так научусь их делать, что они никогда не испортятся. Вот честное пионерское! Хотя ты сама тогда убедишься.

Он положил свой рисунок в сумку, ещё раз нащупал в кармане монетку и весело побежал на улицу.

Н. НАЙДЁНОВА

ОБИДНЫЕ СЛОВА

С нашей тётей Дашей
Девочкам беда,
Им одно и то же
Твердит она всегда:

— Не пришита вешалка,
Пуговицы нет.
Как же вам не стыдно, —
Вам по восемь лет!

Оторвётся вешалка —
Вы идёте к маме.
Взяли бы иголку
Да пришили сами!

Очень трудно девочкам
С этой тётей Дашей, —
Хоть пальто не вешай
В раздевалке нашей.

Сколько раз мы слышали
Обидные слова...
А может, тётя Даша
Всё-таки права?

Н. САКОНСКАЯ
Рис. Ф. ПОЛЕЩУК

ЕГОРКИНА МАМА

Вот так мама у Егорки!
Поискать ещё таких.
Говорят, на всей Трёхгорке
Нет искуснее ткачих.

Ткёт она двумя руками
На своих станках одна
Сотни метров разных тканей:
Ситца, шёлка, полотна...

Каждый горд своею мамой,
Но гордимся мы вдвойне,
Если, скажем, нашу маму
Уважают все в стране.

И уж если, предположим,
У тебя такая мать,
Ты во всём обязан тоже
От неё не отставать.

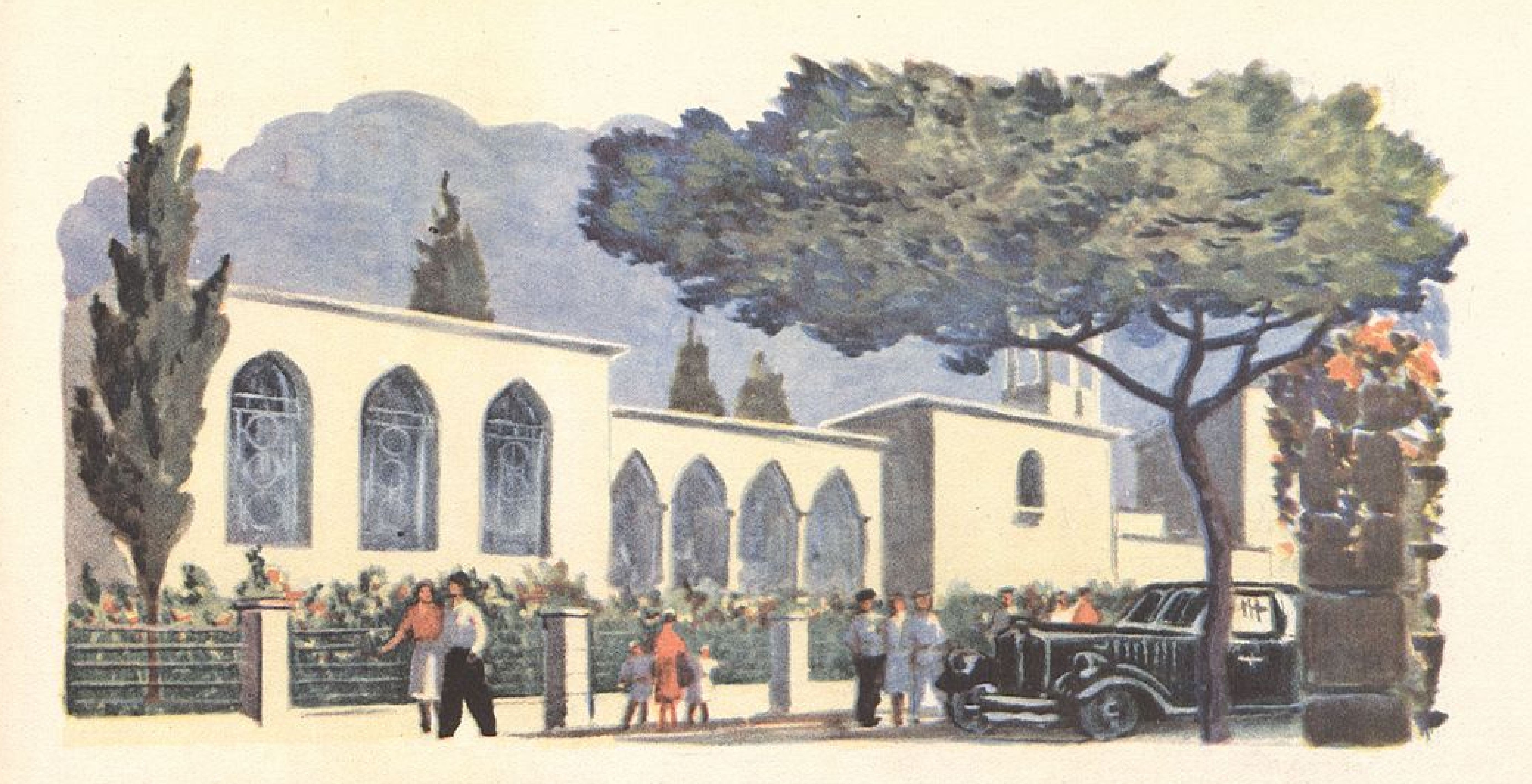
Мать приходит на Трёхгорку
Аккуратно по гудку.
В класс является Егорка
Точка в точку по звонку.

Прошлый год шестью станками
Управлять она могла.
Показалось мало маме, —
На шестнадцать перешла.

И решил тогда Егорка,
Что и он на этот раз
На одних сплошных пятёрках
Перейдёт в четвёртый класс.

Да, уж если, предположим,
У тебя такая мать,
Должен ты стараться тоже,
Чтоб на маму быть похожим,
Чтоб от мамы не отстать.

Валентина СТРУКОВА
Владимир ШЕВЧЕНКО

Рис. В. БИБИКОВА

В ЧЁРНОМ ГОРОДЕ

Мы уезжали в командировку из Москвы в Баку, главный город Азербайджана. Нас провожал знакомый, большой любитель путешествовать. На вокзале он рассказывал нам, что интересного есть в Баку.

— Да, ещё побывайте в Чёрном городе, — сказал он.

— А где находится этот город? И почему он называется чёрным? — спросили мы.

Но тут кондуктор засвистел, паровоз загудел, и мы поехали.

Наш знакомый помахал рукой на прощанье и что-то крикнул. Но поезд шёл быстрей и быстрей, и мы ничего не услышали.

Мы стали ломать головы: что это может быть за Чёрный город?

— Погодите, — сказал один пассажир, звали его Курбан Ахмедович. — Приедем в Баку, покажу вам Чёрный город. Очень интересно!

Курбан Ахмедович родился в Баку и очень любил родные места.

Поезд прибыл в Баку вечером. На другой день наш новый знакомый зашёл за нами. Мы сели в трамвай и доехали до окраины Баку. Здесь мы увидели удивительное сооружение. Как будто прибор для опытов в химическом кабинете школы вдруг взял да и вырос и стал высотой с трёхэтажный дом. Мы стояли и смотрели на огромные металлические бочки, баки, стаканы с крышками. Всё это соединялось между собой изогнутыми во все стороны толстыми и тонкими трубами. Оказалось, что это — завод. А позади виднелись другие заводы, похожие на этот. На этих заводах из нефти делают керосин, бензин, масло для смазки и ещё много всякой всячины, даже духи и резину.

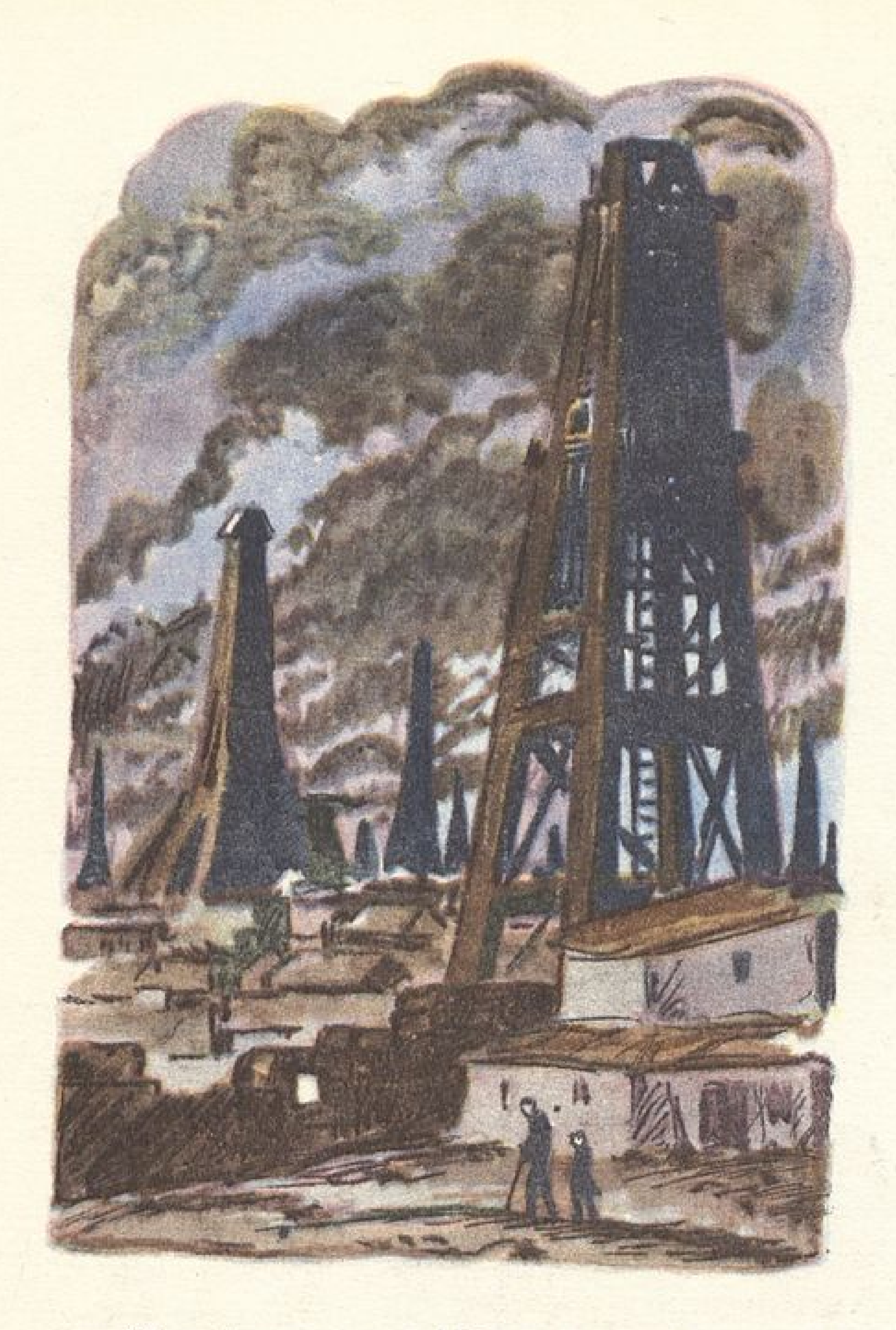
Потом мы пошли по дороге, обсаженной деревьями и цветами, и пришли к рабочему посёлку. Тут стояли белые домики, вокруг них тоже росли цветы, кусты и деревья. И около завода и в посёлке было очень чисто, всё было белое и светлое.

— Где же Чёрный город? — спросили мы.

Курбан Ахмедович рассмеялся:

— Да это ж он и есть.

— Но тут все дома белые! — удивлялись мы.

— И всё-таки это Чёрный город, — ответил наш спутник.

Он рассказал, что тридцать лет назад на месте завода, который мы видели, был другой завод, совсем не такой удивительный. Это просто было несколько больших неуклюжих баков. В них кипела нефть, она испарялась, как вода в чайнике. Пары нефти осаждались в холодильниках, — так получались керосин, бензин и густой, как смола, чёрный битум, из которого делают асфальт. Из нефти можно было бы делать ещё много полезного, но всё это уходило в воздух в виде паров через наружные трубы.

Под баками день и ночь ревели форсунки. В них горела та же нефть. И опять-таки часть её сгорала, а часть превращалась в дым и тоже улетала наружу. День и ночь этот завод и его соседи-заводы страшно чадили. Их прозвали «коптилками».

Дым так и валил из десятков труб, и посёлок был всегда окутан чёрным дымным облаком. Куда ни глянь: и стены заводов, и лепившиеся вокруг убогие домишки рабочих — всё было черным-черно, на всём лежал толстый слой копоти. Вот почему эту часть Баку прозвали Чёрным городом.

Такими же чёрными и мрачными были дома рабочих и внутри. В окна летела копоть, да ещё на кухнях и в комнатах дымили нефтяные горелки — в них горела неочищенная, сырая нефть. На этих горелках готовили пищу, они согревали дома. От них в квартирах пахло, как в керосиновой лавке.

Дым и нефтяной запах не давали покоя всем, кто здесь жил, — ни на работе, ни дома, ни на улице. Люди всегда кашляли от дыма. Люди не успевали надеть чистое бельё, как оно чернело.

Вот он каков был, Чёрный город!

— Конечно, людям было очень плохо жить в этом прокопчённом посёлке, — сказал Курбан Ахмедович. — Теперь, в годы сталинских пятилеток, всё здесь стало иначе. От старого Чёрного города осталось только название. Посмотрите, какие тут новые, чистые и светлые дома. А внутри — центральное отопление, в кухнях горит газ. Заводы, школы и клубы — всё тут новое.

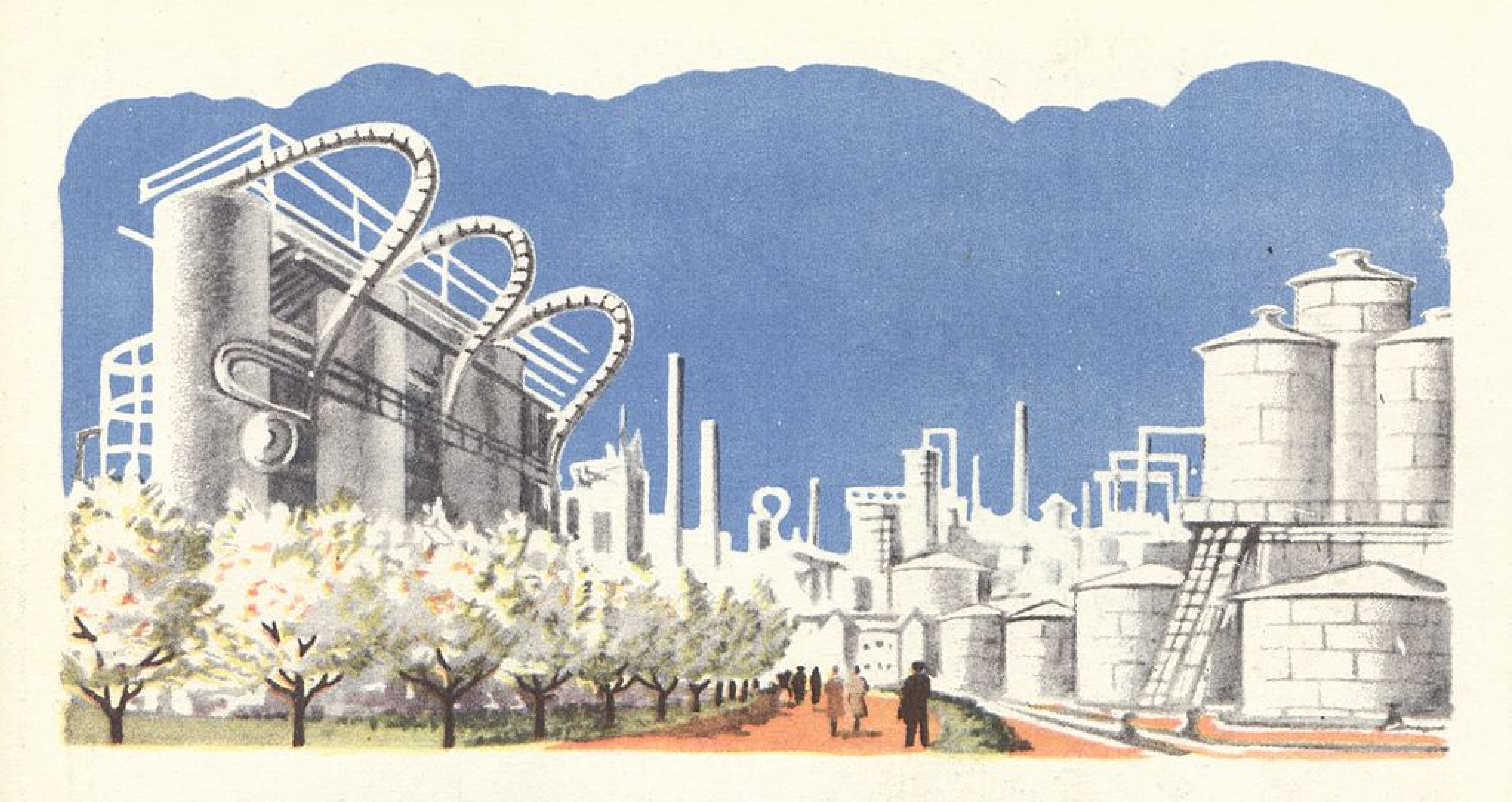
Мы зашли в один клуб. Это был настоящий дворец. Стены были выложены мрамором, на них висели красивые картины. Паркетный пол блестел, прямо как лёд на катке, а стулья были обтянуты бархатом. Клуб так и назывался дворцом — Дворец культуры рабочих-нефтяников.

— Теперь дым не мешает жить рабочим, — сказал Курбан Ахмедович. — Видите, воздух совсем чистый.

— А куда же теперь девается дым? — спросили мы.

— И дым и пар, всё целиком пошло в дело, — ответил наш спутник. — На новых заводах нефть перерабатывается не так просто, как на старых.

Мы побывали на заводе. Здесь с рёвом горели форсунки под длинной-предлинной трубкой, изогнутой в кольца. Эта трубка была похожа на свернувшуюся змею. Она так и называлась — змеевик. В ней грелась нефть. Пары нефти проходили через все те металлические стаканы, трубы, баки, которые мы видели раньше. Но наружных труб

на заводе не было. Дым, пары нефти, всё, что на старых заводах улетало в воздух, теперь оставалось внутри заводов, и из этого получалось много хороших и нужных вещей.

— Видите ваксу на моих сапогах? Это же дым, сажа! — сказал Курбан Ахмедович. — А мои пластмассовые пуговицы целиком из того пара, который раньше уходил в небо. И из него делают не только пластмассу...

Мы вышли с завода и пошли через посёлок. В одном месте тротуар был загорожен. Здесь укладывали новый асфальт, и пыхтевшая машина равняла и укатывала его тяжёлым широким колесом-катком. Горячая чёрная каша остывала, твердела, а немного погодя по ней уже можно было ходить. Она была сварена из нефти. Из нефти было сделано масло, которым смазывали машину, чтобы её части не истёрлись от работы. Керосин горел внутри машины и двигал её по горячему чёрному тротуару. И керосин тоже был из нефти!

Высоко над нашими головами прожужжал самолёт. Он держался в воздухе и летел потому, что в нём горел бензин — родной брат керосина. Бензин двигал автобусы, которые катили нам навстречу. Их колёса одевали тугие шины. Пассажиры сидели в автобусах, как в комнате, — на этих шинах совсем не трясло.

Мимо нас пробежал мальчик, играя в мяч. В магазине открылась дверь, и оттуда запахло духами.

И мячик, и синюю краску, которой он был окрашен, и духи, и шины автобусов, и мастику, от которой блестел паркет во Дворце культуры, и ещё много других нужных вещей тоже делали из нефти на заводах Чёрного города.

Рисунок на обложке художника Г. НИКОЛЬСКОГО

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6/8. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 5/III 1948 г. 15А00690. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 207.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

Переведи этот рисунок на бумагу, раскрась сперва красками небо, конька, красную рамку и фон. Потом карандашом нарисуй точки, проткни их иглой, сделай на конце нитки узелок и вышивай (теми цветами, какие здесь указаны) прямо по бумаге. Для этого рисунка нужны нитки: красные, синие, белые, чёрные и жёлтые.

Художник А. ПОРЕТ